

Николай Лесков

Темняк

Николай Лесков

Темняк

«Public Domain»

Лесков Н. С.

Темняк / Н. С. Лесков — «Public Domain»,

«Ясным теплым вечером, в виду заходящего за Волгою солнца, мы сидели за чайным столом в скромной деревянной беседке архиерейского сада. Разговор шел о русском христианском миссионерстве: собеседники сравнивали относительно малые успехи наших миссионеров с большим числом приобретений римской церкви и соболеznовали об очевидных преимуществах, какие имеют последние...» Ранняя редакция рассказа «На краю света»

Николай Лесков Темняк

Ясным теплым вечером, в виду заходящего за Волгою солнца, мы сидели за чайным столом в скромной деревянной беседке архиерейского сада. Разговор шел о русском христианском миссионерстве: собеседники сравнивали относительно малые успехи наших миссионеров с большим числом приобретений римской церкви и соболеznовали об очевидных преимуществах, какие имеют последние. Старый архиепископ Н., тогда уже больной и немощный, сидел в своем глубоком кожаном кресле с откидным пюпитром и, слушая нас, сам не принимал никакого участия в нашем разговоре. Но вдруг, когда мы, осудив своих миссионеров, почтили вопрос уже совершенно исчерпанным, он улыбнулся и молвил:

– Я все слушал вас, господа, и молчал и не скрою от вас, что это молчание было мне очень приятно: оно мысленно перенесло меня в довольно отдаленную эпоху моей жизни, когда я смотрел на миссионерское дело так, как вы теперь смотрите, и сердился, и негодовал, и укорял людей, но потом... изменил свой взгляд по весьма памяtnому мне случаю, о котором я до сих пор никому не рассказывал, а вот теперь, если хотите, расскажу, – случай небезынтересный и поучительный.

Мы, разумеется, поклонились и просили рассказать, и старый владыко начал:

– Дело это относится ко времени моего служения в отдаленном сибирском краю, куда я приехал прямо после моей хиротонии. Там я имел под своим начальством и епархиальное духовенство и миссионеров, обязанных проповедовать слово божие северным кочевым народам. Осмотревшись у себя на епархии, я был всем недоволен, а особенно моими миссионерами: успехи их были те самые скудные, которые вы так строго осуждаете. И то большая часть людей, которых они нынче обращали в христианство, завтра снова возвращалась в язычество. Да и вся паства-то у меня оказывалась полуязыческая: за пределами городов и поселков, где жили ссыльные, почти повсеместно держалось оскорбительное двоеверие: крещенные молились и Христу и своим идолам, а верили в этих последних положительно больше, чем в Христа. Все это скоро стало мне очень хорошо известно и немало меня сердило и озабочивало: я тогда был еще довольно молод и ревнив, может быть, не по разуму: горячился и сердился на своих миссионеров и неспособен был терпеливо слушать их обстоятельные объяснения, часто державшиеся всё того, что ничего-де им не растолкуешь, станешь им говорить: «Будьте хитры, как змии, незлобивы, яко голуби», а они ничего не понимают, потому что ни змеи, ни голубя не видали и представить их себе не могут, да и слов тех на их языке нет. Я им внушал, что дело проповеди не в этих тонкостях, и вообще пробирал их, и налег я на них очень сильно, что они меня невзлюбили, но стали стараться, а дело между тем всё не клеится: как я его застал при моем приезде, таково оно было и через год. Да еще то прибавилось, что кого мне один миссионер покажет окрещенным, тех, смотрю, через некоторое время другой опять язычниками числит и себе приписывает их обращение: так что я уже не только на деле, а и на бумаге-то толку не доберусь. Все это меня стало выводить из терпения, и я вздумал во что бы то ни стало удостовериться, что за причина, что слово божие не вселяется в эти простые души, которые мне были уже известны своею удивительною незлобивоcтью, с которою они переносили, а может быть и до сих пор переносят, самое дурное обращение. Все это я знал от крещеного самоеда, у которого их языку учился. На дворе стояла жестокая зима; дела у меня по моей тщедушнoй епархии было немного; всех ставленников я перестриг; всех пьяных и сварливых дьячков как умел разобрал, ученый труд никакой как-то в голову не шел; а без дела я не любил оставаться, да и просто вам сказать: не сиделось мне что-то в моем маленьком монастырьке, в тесной и душной келье. Вот и пришла мне тут в один зимний вечер отважная мысль.

«А что, – вздумал я себе, – вместо того, чтобы мне здесь слоняться из угла в угол под этими низкими сводами, навещу-ка я сам мать-пустыню, пробегу-ка я сам по дальним окраинам моей паствы да взгляну, что там за непостоянные люди живут и как за них надо умнее взяться».

Характер у меня тогда был живой, а на подъем я всегда был лёгок: что сказано, то и сделано. Позвал я к себе тут же ночью одного молодого иеромонаха Петра, который все у меня в миссионеры просился, но я его не пускал, потому что всё мне на него наговаривали опытные старики, что он будто «суетен» – отличиться хочет. Ну, а тут я раздумал, что не напрасен ли этот наговор, да мне к тому же ретивый товарищ был и нужен. Вот я призвал этого отца Петра, и говорю ему:

– Ну, отец Петр, ты все охотился в край идти поапостольствовать, я вздумал тебя пустить. Поди-ка скоро потеплее изготопись, мы с тобою утром далеко вместе поедем.

Я себе так решил, что разделим мы с этим отцом Петром труд пополам: я буду учить, а он крестить, и посмотрим, что выйдет. И в ту же самую ночь перед утром оделись мы поплотнее по-туземному, захватили с собою кое-каких съестных припасов: сухарей, рыбы, да гороху, да ромку фляжку про жестокую стыдь – и поехали.

Выехали мы из города в больших санях и никому не сказавшись, куда мы едем, да и сопутник-то мой настояще ничего не знал про мою затею. Мне это так нравилось скрывать от него свой план как можно секретнее. Проехали мы сутки на конях, и весь конный путь кончился: побежали мы по насту на оленях. Езда эта для меня была новость, чрезвычайно меня занимала: я еще в детстве помню, как у нас в доме у отца картинка висела, где лапландец на оленях скакал, и мне всегда представлялось огромное удовольствие этой быстрой скачки. Но на деле оно выходило, однако, не так приятно: передо мною действительно были олени, но совсем не те, быстрые и красивые олени моего детства, а неловкие, с разлатыми лапами, бежали они тяжело и нетвердо, понунив голову и с задышкою, ноздри у них замерзают, и они дышат ртом, и так и бегут все рот открывши, и от этого их тяжелого дыхания в мерзлом воздухе пар собирался и так за нами и полз облаком. Совсем даже смотреть на них жалко, и вообще все не так, как было у нас дома на картинке. Ну, вот пробежали мы на олешках, и на них нельзя стало дольше ехать: запрягли собачонок, – собачонки этикие серые, лохматые, много на волков схожи. Салазки длинные, а помещение на них короткое: сам сядешь, да поводырь впереди прилепится, а более и места нет. Пришлось нам с отцом Петром разделиться и ехать порознь на двух санях: в одни сани запрягли одиннадцать собак и в другие одиннадцать. Расселись мы так: на одних я да самоед, да со мною узелочек с крестом, с книгами да с облачением, а на других отец Петр с подводчиком и с ними наш кошель с съестной провизией. Ничего, сначала гоже показалось: приладились, малицами подоткнулись и едем; а я все то по сторонам гляжу, то возницу своего рассматриваю: сидит как столбик, и на чем он сидит, не поймешь: весь как кукла скутан, лицо как грязный обмылок серый, глаз нет, – только щелки какие-то, нос сучком, рот – ящичком: выражения никакого, словно никогда он не знал никаких страстей и ни горя, ни радостей. Пробежали первый день бодро и другой ничего, только мой отец Петр стал покряхтывать: я, чтобы его подбодрить, посмеиваюсь, а он жалуется, что от долгого сиденья будто поясницу очень разломило. Ну, сиденье, разумеется, не то, что дома в вольтеровом кресле с газетою: торчишь столбушком и туда-сюда покачивает, того гляди, как бы не вывалиться; однако я все продолжал свою усталость скрывать и над товарищем подтрунивать:

– Эх, ничего, – говорю, – отец Петр: потрудись, друже: слово-то божие проповедовать, ведь это не то, что в теплой трапезе за горшком со сметкою сидеть: помужествуй!

Но он, вижу, унывает и говорит, что:

– Я ведь, – говорит, – не каменный.

– Не каменный, – отвечаю, – да Петр, будь же камнем и жди, что на тебе оснует господь.

Но он, вижу, от моих слов не ободряется и на следующем привале еще больше раскряхтелся. А я опять шучу и говорю:

– Ах ты, отец Петр, отец Петр; имя у тебя славное, а тем только ты и выходишь Петр, что ты мне соблазн.

Говорю это ему с веселою шуткою и сам все бодрюсь, а того и не думаю: какое не ему, а мне готовится нравоучение в сем соблазне.

На третий день, однако, и я сильно ослабел, все стало меня в этот день с самого утра ко сну клонить: качаюсь, качаюсь – и задремлю, и опять проснусь и опять покачаюсь, – лицо с бороδοю в оленью малицу поплотнее задвину и опять сплю. И вдруг просыпаюсь и вижу, что я, должно быть, долгонько проспал, потому что вокруг совсем серо. Пустил я руку за пазуху, пожал репетир, – ударило всего два часа. Два часа, а совсем темно! Что такое, думаю, за лихо, а раскрыл пошире глаза, то и вижу, что на степи метет.

– Ведь это метель метет? – спрашиваю у своего самоеда.

– Метет, бачка, – отвечает, а сам все вперед смотрит и орстелем помахивает.

– Ты смотри же, – говорю, – ладно ли мы едем.

– А как же, – говорит, – я смотрю, – и опять тычет в снег орстель.

– А задние-то за нами ли?

– За нами, бачка, за нами.

– Близко?

– Близко, бачка: вот они.

Так твердо говорит, что я сам и не обернулся, чтобы удостовериться, а еду себе да рассуждаю: «Что же, на то, мол, она Сибирь, чтобы метель повидать, а от дождя же не в воду бежать, да и некуда. А потому же, видно, и опасности никакой нет», потому что дикарь-то мой уж очень спокойно мне отвечал на мои вопросы – так спокойно, что вот теперь этому делу минул уже не один десяток лет, а я точно сейчас слышу его голос, веселый, полный и уповательный. Они ведь обыкновенно скверно говорят – невнятно: половину слова во рту произносят, а половину и до рта не допускают, а где-то в глотке сказывает, – надо больше тон, чем звук понимать, а тон был самый успокоительный.

– Ладно, – говорит, – бачка, ничего, хорошо едем.

Превосходно это его спокойствие на меня действовало, и я успокоился и, чего бы вы, вероятно, никак не ожидали, начал опять спать, и уже на сей раз как заснул, то и не знаю сколько я проспал; но только пробуждение мое было самое невеселое: чувствую я, что совсем я валюсь и снег самый дробный да как ледышки острый – так мне всюду и жигает. Хочу глаза открыть, но веки смерзлись и не открываются; а между тем меня кто-то сильно, как медведь, за плечи трясет, так что мне и взаправду показалось, уж не у зверя ли я в лапах? Но через минуту вдруг мелькнула мне другая мысль: думаю, чего доброго это меня мой самоед завез в какую-нибудь трущобу и убить хочет. И в этом помыслил: дай же я притворюсь, будто сплю, авось отец Петр подъедет и мне помощь подаст. Но только отца Петра нет. Думаю, верно и его другой дикарь прикончил, а мой самоед все меня сильнее толкает и кричит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.